

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ** о театре Польши, страны с двухсотлетней профессиональной театральной культурой, сегодня было бы неполным без театра, которому только 7 лет: это Народный театр Новы Гуты («Театр Людовы»).

Нова Гута — гигантский металлургический комбинат им. В. И. Ленина. Когда-то здесь — в 10 километрах от Кракова — были бесплодные пустыри и нищая деревенька со зловещим названием Могилы. Сейчас вы едете из древнего, «феодалного» Кракова, города зубчатых крепостных стен, костелов и музеев, в Нову Гуту только 20 минут. Сама дорога — живая пятнадцатилетняя история: «наслоения» идут, как кольца ствола растущего дерева: вот вдоль шоссе первые послевоенные постройки, когда было еще очень трудно; вот размах строительства 50-х годов, а вот широкий разлив асфальта, световые рекламы, бесконечные цепочки фонарей. Так разворачивается огромный, из светлого камня и стекла, рабочий город с красивой площадью, десятиэтажными домами, современными проспектами и магазинами... С любой высокой точки города видны на горизонте дымные трубы великанских печей Новы Гуты. Нова Гута — гордость Польши. Нова Гута — город, представляющий социализм наглядно, в его динамической силе.

Пестрым и сложным был социальный облик первых строителей комбината и города: темнота вчерашней бедной деревни, поножовщина бывших беспризорников — все перемалывала, переплазляла Нова Гута. Одно из самых интересных явлений в этом сложнейшем комплексе — рождение Новогутского народного театра. Он был основан решением правительства в 1955 году — не клуб, не кинозал, не эстрада, а именно театр: настоящий и серьезный. И там, где поначалу пуствовали читальни библиотек, где первые рабочие — недавние крестьяне «по привычке» держали в городских комнатах кур, театр стал играть Шекспира. И польских классиков. И молодую современную драматургию.

Организаторы и первые режиссеры театра — Кристина Скушанка и Ежи Красовский (в настоящее время театром руководит Юзеф Шайна) положили в основу своей деятельности стремление предельно развить в почти неподготовленном зрителе навык и способность к активному восприятию красочно-загадочного, в чем-то трудного мира театра, к активному, сложному, ассоциативному мышлению. Молодому театру предстояло сформировать своего собственного зрителя. Пропагандистское, художественное, воспитательное начала здесь должны были слиться по-особенному.

Что же играют в «Театре Людовы»? Конечно, пьесы классического национального репертуара; театр торжественно открылся 3 декабря 1955 года представлением «Краковяков и горцев» отца польского театра Войцеха Богуславского. Выбор был не случаен — действие этого народного представления XVIII века, «с музыкой и пенем», происходит в той самой деревне, на месте которой теперь стоит Нова Гута. С тех пор театр сыграл романтические драмы Ю. Словацкого и блестящие реалистические комедии-сатиры Ал. Фредро, «Бурю» и «Меру за меру» Шекспира, «Слугу двух господ», «Принцессу Турандот», «Тартюфа».

Желание раскрыть перед своим особым рода зрителем художественное совершенство, непреходящую красоту мировой классики, приобщить его к миру чудесного, праздничного, гуманистического искусства Шекспира, Гольдони, Мольера не ограничивает программы театра. Ему очень нужны и острая социально-психологическая драма, и политическая сатира. Закономерно, что лучшими работами театра стали спектакли о современности.

Трагедию простого человека — сезонного рабочего Ленни Смолла, погибшего на ранчо американского Дальнего Запада, раскрыл театр в спектакле «Мыши и люди» по роману Дж. Стейнбека.

А в спектакле-памфлете «Радость по поводу найденного в мусорном ящике» (сценическая переработка романа Кадена-Бандровского «Генерал Барч») перед зрителем предстает уродливо-комическая и в то же время трагическая сущность «свободной Польши» Пилсудского.

Спектакль поставлен в формах острого сценического гротеска. Сатирическая метафора — огромный мусорный ящик, который и символизирует собой «режим Пилсудского», как бы обрамляет весь спек-

тор ее — Богдан Дроздовский, молодой драматург. Не кабинет, а стройки социалистической Польши были его рабочим местом: здесь он учился любить людей, здесь побратался с ними кровью — выносила на руках друга из шахтного обвала... С той самой Новы Гуты, где теперь идут его пьесы. Дроздовский — поэт, публицист и журналист рос вместе четыре года: поэтому не стороннюю, а коренную позицию занимает автор среди своих героев. «Траурное шествие» — спектакль о юноше-крестьянине, одном из тех, кого в Польше называют полукре-

Но вот постепенно исчезает их равнодушие. И высокой патетикой звучит заключительная сцена спектакля: нет разобщенности — молча, не сговариваясь, все вместе в едином порыве поднимают на плечи тело шахтера; уже не просто человеческая, а рабочая, осознанная спайка ведет их. Осознанная как свое дело.

В этом спектакле, построенном как цепь жанрово сочных, достоверных жизненных сцен, молодые актеры могут полностью развернуться: они создают интересные, типичные, по-современному острые характеры; еще бы, ведь состоялась прямая встреча актера со своим героем. И мы видим, что, хотя и очень «разный», и порой очень трудный, но это настоящий герой.

И выбор пьесы, и реалистический стиль ее постановки Скушанкой и Красовским прочертили линию очень перспективную, выявили в театре возможности непосредственного обращения к жизни сегодняшней трудовой Польши.

Однако нельзя не сказать о неудачах театра. Так случилось со спектаклем «Клетка», в котором есть «эксперимент во что бы то ни стало», но нет живой ткани искусства. По сцене, где ползком, а где скачками, передвигаются дикий, отталкивающие фигуры: олицетворенные понятия, «знаки» людских пороков. В замысле это должен был быть спектакль о клике приспособленцев и рвачей, о тех, кто паразитирует на здоровом обществе трудовых людей. В сценическом же осуществлении получилась дидактическая притча, где социальный и человеческий смысл происходящего как бы забаррикадирован от зрителя холодной, тягостной вычурностью. Здесь царит та условность приемов и образов, которую трудно играть и неловко смотреть. Не удивительно, что зрительный зал остается равнодушным, а ведь его оценка, его требования определяют истинное лицо театра.

Новогутский театр — это широкий диапазон интересов: режиссерских, актерских, зрительских. В наши дни, когда нет покоя на американском континенте и Латинская Америка бурлит возмущением, театр поставил два спектакля о судьбах народов Мексики и Бразилии: «Тот, кто исполняет свой обет» Диаса Гомеса — трагедию маленького бразильского человека, бесправного, затравленного, убитого на своей родной земле, и драму о мексиканской революции — «Человек с жестом» Родольфо Усигли.

Это закономерно: сам Новогутский театр — воплощение смелого замысла; ему, молодому, должно быть по пути с романтикой и смелостью революции.

Натэлла БАШИНДЖАГЯН.  
НОВА ГУТА — МОСКВА.

## НОВА ГУТА, ТЕАТР И ЗРИТЕЛЬ

Так, варьируется от сцены к сцене, становится и зрительным образом постановки. В этой черной пустоте движутся, орут и пьют, политиканствуют, продают Польшу и ее народ разнообразные персонажи. Постановщикам удалось создать, сохраняя полную реальность облика этих «героев», ощущение их жуткой призрачности. А за спинами действующих лиц, политических и военных приспешников «правителя», как бы следя за их мерзкой жизнью, безмолвно покачивается скелет вояки в зеленом германском шлеме... Предугреждение и итог одновременно.

Театральные поиски новогутцев интересны и положительно именно тогда, когда происходят в самой тесной связи со строительством новой жизни, с формированием человека нового типа. Ведь каждая постановка Новогутского театра приобретает черты острообщественные; этот небольшой театр со скромной сценической площадкой и залом едва на 500 мест стал театром, где «мысль произнесенная» никак уже не может остаться камерной.

Театром крупномасштабным хочет быть театр Новы Гуты. В русло лучших и перспективных исканий на этом пути логически влилась одна из последних работ коллектива — постановка романтической трагедии Адама Мицкевича «Дядя». Сложнейшую, полифоничную проблематику этой поэмы-драмы театр подчинил своему очень современному, молодому, динамическому восприятию и показал ее зрителю во многом обновленной, созвучной нашим дням.

Принципиально интересной стала постановка в этом театре пьесы о современнике — рабочем-герое. Ав-

стьянами, полуробочими. Связи его с деревней еще по-старому крепки, зависимость от отца, жадного собственника, зажиточного хозяина, еще велика. Но парень решил окончательно разорвать эти связи, ушел «в рабочие». И отец проклял сына.

«Увеличительное стекло» театра останавливается на этот раз на конфликтах совершенно новых. При этом для зрителя, для новогутцев, это кровные проблемы.

...На сцену выходят герои, очень похожие на тех, что сидят в зале; люди простые, в чем-то даже грубоватые: шахтеры, шофер грузовика, представитель завкома, пожилой заводской бухгалтер, деревенская девушка — вот и все действующие лица этой двухактной драмы. Случай — необычный и трагический — свел их всех вместе: они везут тело погибшего при взрыве на шахте товарища. Группа людей застигнута автором как бы врасплох: посреди ночи, посреди леса и болот (заводской грузовой выехал из строя). Сначала эти люди разобщены: ведь доставить тело шахтера в родную деревню — всего лишь их формальная обязанность, и перед этим формальным долгом кое-кто готов спастись — ноги сбить в кровь, плечи ломит, идти по бездорожью тяжело; взаимное недовольство, непонимание воцаряются между ними. И нелегко единственному товарищу из завкома «сбить» их всех вместе.

«Советская культура»  
11 июля 1962